

DOI: 10.31857/S013038640008187-3

© 2020 г. А. А. ВЕРШИНИН

ГЕНЕРАЛ МОРИС ГАМЕЛЕН И ФРАНЦУЗСКОЕ ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вершинин Александр Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (проект МК-6084.2018.6).

E-mail: averchinine@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена одному из актуальных вопросов предистории Второй мировой войны – военному строительству во Франции. Франция, победив в Первой мировой войне, столкнулась с проблемой обеспечения национальной безопасности в новых условиях. Германия была ослаблена, но не лишена возможностей осуществить реванш. Эта проблема обострилась после прихода к власти нацистов. Отсутствие непосредственной угрозы территории страны в 1920-е годы способствовало сохранению «консенсуса умолчания» между французскими военными и политиками, однако после 1933 г. они начали серьезно расходиться в своем видении положения дел в оборонной политике. Генерал М. Гамелен был одним из тех, кто осознавал опасность подобной ситуации. В 1936 г. ему удалось наладить взаимодействие с военным министром Э. Даладье, который в 1938 г. возглавил правительство. Их тандем смог в принципе решить задачу перевооружения французской армии, однако системные недостатки политической модели поздней Третьей республики, деградация ее элит не позволили создать стабильно функционирующий механизм взаимодействия военных и политиков, который бы обеспечивал единство стратегии в сфере национальной безопасности. Последствия этого в полной мере сказались после начала Второй мировой войны и во многом стали причиной поражения Франции.

Ключевые слова: Вторая мировая война, французская армия, Даладье, Гамелен, де Голль.

A. A. Vershinin

General Maurice Gamelin and the French Military Development Before World War II

Aleksander Vershinin, Department of the History of Russia of XX–XXI centuries, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: averchinine@gmail.com

Abstract. The article is devoted to one of the pressing issues in the background of the Second World War – military development in France. Having won the First World War, the country faced the problem of ensuring national security in the new conditions. Germany was weakened, but not deprived of opportunities to make a rematch. The problem had

become ever more acute after the Nazis came to power. The absence of an immediate threat to the country's territory in the 1920s contributed to the "consensus of silence" between the French military and politicians, but after 1933 they started diverging in their vision of the situation in defense policy. General M. Gamelin was one of those who realised the danger of such a situation. In 1936 he managed to establish cooperation with the Minister of War E. Daladier, who headed the government in 1938. Their tandem was able to solve the problem of re-arming the French army, but the systemic shortcomings of the political model of the late Third Republic, the degradation of its elites raised difficulties in creating a stably functioning mechanism of interaction between the military and politicians that would ensure unity of the national security strategy. The consequences of this fully manifested themselves after the start of the Second World War and became a cause of the defeat of France.

Keywords: Second World War, French Army, Daladier, Gamelin, de Gaulle.

Очередная круглая годовщина со дня начала Второй мировой войны заставляет историков вернуться к осмыслению ее центральных событий. Важнейшим из них является сокрушительное военное поражение Франции в мае — июне 1940 г. Как получилось, что сильнейшая после 1918 г. армия Европы рухнула за считанные недели? Почему на поле боя Вермахт смог переиграть ее в ряде ключевых сражений? Кто несет ответственность за роковые просчеты в военном строительстве, мобилизационном и оперативном планировании? Наконец, возникает неизбежный, хотя и нежелательный, с точки зрения историка, вопрос: могло ли все быть иначе? Все эти проблемы уже не одно десятилетие вызывают бурные дискуссии среди историков. Их подогревает и современный общественно-политический контекст, в рамках которого до сих пор резонансно звучат темы ответственности за развязывание Второй мировой войны и вклада противостоявших германскому нацизму стран в общую победу.

Историографию предпосылок поражения Франции в 1940 г. можно условно разделить на два основных направления. Одно из них рассматривает события с точки зрения концепции общего упадка Третьей республики в 1930-е годы¹. Речь идет о процессе постепенной деградации политических институтов Франции, который охватил и сферу принятия ключевых решений во внешнеполитической и оборонной сферах. Особое внимание представители этого течения в историографии уделяют облику французской политической элиты, значительно обновившейся на рубеже 1920—1930-х годов и оказавшейся не на высоте исторического момента. Ее недееспособность перед лицом германского напора и британской пассивности стала, по их мнению, важной предпосылкой начала Второй мировой войны.

¹ См., например: *Bankwitz P. C. F. Maxime Weygand and Civil Military Relations in Modern France*. Cambridge (Mass.), 1967; *Adamthwaite A. France and the Coming of the Second World War*. London, 1977; *Bédarida F. Edouard Daladier, chef du gouvernement*. Paris, 1977; *Duroselle J.-B. La Décadence*. Paris, 1979; *Doughty R. The Seeds of Disaster: The Development of French Army Doctrine, 1919—1939*. Hamden (Conn.), 1985; *Doise J., Vaisse M. Diplomatie et outil militaire, 1871—1991*. Paris, 1991; *Jordan N. The Popular Front and Central Europe: The Dilemmas of French Impotence, 1918—1940*. Cambridge, 1992. На схожих позициях традиционно стояла и отечественная историография: *Белюсова З. С. Французская дипломатия накануне Мюнхена*. М., 1964; *Смирнов В. П. «Странная война» и поражение Франции*. М., 1968; *История Франции*, в 3-х т. Отв. ред. А. З. Манфред. М., 1973; *Малафеев К. А. Луи Барту — политик и дипломат*. М., 1988; *Narinski M. Les relations entre l'URSS et la France (1933—1937)*. — *La France et l'URSS dans l'Europe des années 30*. M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian (dir.). Paris, 2005; *Обичкина Е. О. 1938—1939: французская дипломатия от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий*. — *Вестник МГИМО — Университета: специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны*. М., 2011.

Другое направление в историографии, не отвергая полностью значения факторов, выделяемых их коллегами, на первый план выдвигает проблему объективной ограниченности того военного, политического и экономического инструментария, который находился в распоряжении руководства Франции накануне войны². По их мнению, вызовы, с которыми столкнулась страна, были беспрецедентны по своей сложности, и политика, проводимая французскими правительствами, как правило, не могла быть иной в сложившихся условиях. Следовательно, говорить об особой роли фактора деградации политических элит в данном случае не приходится: доводы в пользу того, что другие политики и военные в той ситуации могли бы сделать больше, выглядят лишь умозрительными. Исследователи, принадлежащие к этому течению, предприняли ряд небезынтересных попыток в новом свете представить ряд сюжетов из истории внешней и оборонной политики Франции межвоенного периода.

Впрочем точки зрения, которых придерживаются представители этих двух направлений в историографии, не являются взаимоисключающими. Истощившийся к началу 1930-х годов политический ресурс Третьей республики, что проявилось в том числе в деградации политической элиты, — это такое же объективное ограничение для французской внешней и оборонной политики накануне Второй мировой войны, как структурные дисбалансы в экономике, просчеты в планировании будущей войны и демографический кризис. Однако эти ограничения, конечно, не оправдывают тех серьезных ошибок, которые были допущены руководством Франции. Проблема неповоротливости государственной и военной машины поздней Третьей республики поднималась еще до того, как к власти в Германии пришли нацисты. На протяжении всех 1930-х годов предлагались варианты выхода из этого тупика, и не всегда отказ от них объяснялся объективными обстоятельствами. Наконец, едва ли не большая часть ошибок в планировании национальной обороны имела важные субъективные причины.

Между тем важно верно расставить акценты. В дискуссиях об упадке Третьей республики, «декадансе», как это явление охарактеризовал Ж.-Б. Дюрозель, легко потерять суть проблемы — причины, собственно, военного поражения Франции в 1940 г. Ответ на вопрос о том, почему французская армия готовилась не к той войне, которую ей пришлось вести, лежит в плоскости анализа конкретных фактов. В данной статье предпринята попытка его сформулировать. Особое значение с этой точки зрения приобретает фигура генерала М. Гамелена, человека, с 1931 г. занимавшего пост начальника Генерального штаба, а в 1935 г. ставшего главным должностным лицом, ответственным за оборону страны. Гамелен на протяжении по меньшей мере пяти лет готовил Францию к войне. В сентябре 1939 г. он проводил мобилизацию и развертывание сухопутных сил, а спустя восемь месяцев не смог предотвратить прорыв германских танковых дивизий в районе Седана, который стал главной причиной развала французского фронта и последовавшего за ним военно-политического краха Третьей республики.

В ряде исторических исследований именно Гамелен фигурировал как один из главных виновников такого исхода событий. Однако в последние годы историки предпринимая попытки пересмотра этой точки зрения. Как военно-политическая верхушка Франции в межвоенный период представляла себе будущую войну? Каким образом, соответственно ее взглядам, планировалась национальная оборона? Насколько это планирование учитывало последние новшества в ведении современной войны?

² См., например: *Gunsburg J.* Divided and Conquered: The French High Command and the Defeat of the West, 1940. Westport, 1979; *Alexander M. S.* The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1935–1940. Cambridge, 1992; *Réau E. du.* Édouard Daladier, 1884–1970. Paris, 1993; *Frank R.* La hantise du déclin. La France 1920–1960: finances, défense et identité nationale. Paris, 1994; *Young R.* France and the Origins of the Second World War. London, 1996.

Отвечал ли вызовом времени экономический и демографический потенциал страны? В какой степени существовавшая во Франции в 1930-е годы общественно-политическая система подходила для задач мобилизации всех ресурсов и подготовки к тотальной войне? Изучение деятельности Гамелена на постах начальника Генерального штаба и генерального инспектора армии позволяет подробно осветить эти проблемы и предложить новые подходы к их решению.

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ТЕРРИТОРИИ ВО ГЛАВЕ УГЛА

Гамелен относился к плеяде военачальников, выигравших для Франции Первую мировую войну. Начав ее в звании майора, он встретил Компьенское перемирие бригадным генералом. Будущий руководитель Генерального штаба был близким сотрудником генерала Ж. Жоффра, командовавшего французскими армиями в 1914–1916 гг. В сентябре 1914 г. он занимал одну из ключевых должностей в штабе главнокомандующего и составлял приказы по войскам в разгар судьбоносной для Франции битвы на Марне. Гамелен являл собой пример первоклассного штабиста, однако имел и практический опыт управления войсками. В годы Первой мировой войны он командовал сначала бригадой, участвовавшей в сражении на Сомме, а впоследствии дивизией, задействованной в решающих сражениях 1917–1918 гг. на Западном фронте.

Человек, которому в 1940 г. выпало командовать французскими армиями в другой войне против Германии, таким образом, отнюдь не являлся оторванным от реалий современной войны теоретиком, как, впрочем, и большинство французских генералов, прошедших Первую мировую войну. После 1940 г. его будут обвинять в том, что практическое знание того, как воюет армия, он подменял абстрактными построениями³. Генерал действительно слыл военным интеллектуалом и в молодости даже составил философский трактат о ведении войны. Однако насколько эта склонность к построению абстрактных моделей повлияла на выработку принципиальных подходов к построению национальной обороны, за которую Гамелен отвечал, начиная с 1931 г.? Французское военное планирование межвоенного периода можно критиковать за что угодно, кроме оторванности от практического опыта. Оно полностью опиралось на уроки Первой мировой войны — конфликта, который впервые в полной мере продемонстрировал, чем является современная индустриальная война.

Победа над Германией в 1918 г. далась Франции высокой ценой. В относительном измерении она понесла самые тяжелые потери из всех стран — участниц мирового конфликта. Почти 1,4 млн французских солдат были убиты, что составляло более 16% от числа всех мобилизованных и примерно четверть всех мужчин в возрасте от 18 до 27 лет⁴. 3,6 млн человек получили ранения. На фоне практически не растущей с конца XIX в. численности населения эта убыль являлась колоссальным ударом по демографическому потенциалу страны. 10 северо-восточных департаментов, промышленное сердце Франции, стали ареной грандиозных сражений и практически лежали в руинах. Национальное богатство сократилось на 12%. Национальный долг в 1918 г. составил огромную сумму в 170 млрд франков⁵.

Для миллионов французов выстраданная победа была слабым утешением. «Правда состоит в том, — отмечала передовица одной из центральных французских газет в феврале 1919 г., — что мы радуемся победе подобно тому, как радуются выжившие после катастрофы или ужасной болезни»⁶. Победа, сколь бы долгожданной она ни

³ Duroselle J.-B. Op. cit., p. 258.

⁴ Steiner Z. The Lights that Failed. European International History, 1919–1933. New York, 2005, p. 20.

⁵ История Франции, т. 3, с. 6.

⁶ Le Temps, 28.II.1919.

была, имела для Франции смысл лишь в одном случае: если бы она покончила с войной на обозримую историческую перспективу. Речь шла не только о естественном стремлении к миру и стабильности после четырех лет лишений. Даже победив Германию, Франция оставалась значительно слабее ее. Реши Берлин взять реванш за поражение 1918 г., у него на руках оказались бы важные козыри.

В 1921 г. один из видных французских военных теоретиков писал: «Наш враг, несмотря на все договоры, несомненно, найдет возможность восстановить свою военную мощь. Принимая во внимание численность его населения, мы сможем выставить в поле равноценную армию лишь при условии активной помощи наших союзников»⁷. С населением в 70 млн человек (против 39 млн во Франции) Германия могла относительно легко компенсировать значительные человеческие потери, понесенные в Первую мировую войну. Французская промышленность по объемам производства по крайней мере вдвое уступала германской⁸. По поводу тех целей, которые будут направлять внешнюю политику побежденной Германии в будущем, сомневаться не приходилось. Париж, очевидно, не мог добиться радикального изменения баланса сил в обозримой перспективе.

Осознанием этой слабости объяснялась первоначальная жесткая позиция французской делегации на Парижской мирной конференции в 1919 г. Ж. Клемансо настаивал на отторжении от Германии всего левого берега Рейна и формировании там самостоятельного государства под французским протекторатом. Военные считали, что без удовлетворения этого требования ни о каком прочном мире, гарантирующем безопасность Франции, не может идти речи. Тот факт, что добиться этого не удалось и Клемансо пришлось довольствоваться лишь временной оккупацией Рейнской области при демилитаризации узкой полосы вдоль правого берега реки, вселял в них серьезный скепсис. Маршал Ф. Фош считал, что военные ограничения, наложенные на Германию Версальским договором, не воспрепятствуют ей втайне восстановить свои вооруженные силы⁹.

Версальский договор, тем не менее, создал механизм военного сдерживания Германии. Пусть временный и несовершенный, он, по мнению генерала Э. Бюа (начальника Генерального штаба французской армии в 1920–1923 гг.), давал определенную уверенность в том, что война не начнется, по крайней мере, до тех пор, пока сохраняется французское и бельгийское присутствие на берегах Рейна¹⁰. Французский план ведения войны против Германии от 1921 г. («план П») предполагал в случае враждебного поведения Берлина выдвижение франко-бельгийских войск с Рейнского плацдарма в глубь территории Рейха с занятием наиболее промышленно развитых и населенных территорий страны. Во взаимодействии с польскими и чехословацкими войсками предполагалось разделить север и юг Германии, сорвать мобилизацию ее армии и прикрыть развертывание французских и бельгийских сил второго и третьего эшелонов¹¹. Эта же схема с некоторыми изменениями прописывалась в «плане А» от 1926 г.

Как видно, наступательное планирование опиралось на ключевое положение Версальского договора — французский контроль над Рейнской зоной, который изначально носил временный характер, а после заключения Локарнских соглашений в 1925 г.

⁷ *Serrigny B.* *Réflexions sur l'art de la Guerre.* Paris, 1921, p. 101.

⁸ *Young R. J.* *In Command of France. French Foreign Policy and Military Planning, 1933–1940.* Cambridge (Mass.), 1978, p. 17.

⁹ *Recouly R.* *Le Mémorial de Foch. Mes entretiens avec le maréchal.* Paris, 1929, p. 242–243.

¹⁰ *Documents diplomatiques belges. 1920–1940: La politique de sécurité extérieure. T. 1: Période 1920–1924.* Bruxelles, 1964, p. 368–370.

¹¹ *Tournoux P.-E.* *Défense des Frontières. Haut Commandement-Gouvernement, 1919–1939.* Paris, 1960, p. 333.

был ограничен сроком до 1930 г. Речь шла о промежуточном варианте действий, который неизбежно пришлось бы пересматривать в скором будущем. Кроме того, «план II» и его аналоги не имели перед собой четкой стратегической цели. Занятие части территории Германии в ситуации фактического отсутствия сколь-нибудь серьезного военного противодействия не решало ни одной из проблем, выросших из половинчатого характера Версальского договора. Конвертировать военный успех в политический результат Париж бы не смог, что наглядно показал уже Рурский кризис 1923 г.¹² Следовательно, военные действия как таковые теряли смысл. В результате, по точному замечанию историка, большую часть 1920-х годов французская военная машина «дрейфовала без четкой цели»¹³.

Франция в 1920-е годы оказалась в сложной ситуации «ловушки Фукидида», из которой не просматривалось никакого выхода. На ее восточных границах находилось государство, настроенное на ревизию существующего статус-кво, чьи военные возможности со временем лишь увеличивались. При этом любые односторонние действия Парижа, направленные на превентивную ликвидацию угрозы, не имели перспективы без соглашения с ведущими международными игроками, которые не были настроены чрезмерно усиливать Францию за счет Германии, а также в отсутствие внутривнутриполитического консенсуса. В 1920-е годы пацифистские настроения охватили широкие слои французского общества¹⁴, а борьба против военной угрозы легла в основу внешнеполитических программ ключевых политических сил.

В это время внутривнутриполитические факторы, очевидно, довели над стратегическими соображениями. Понесшая большие потери в войне страна хотела не только мира, но и общей демилитаризации общественной жизни. Речь шла в первую очередь о сроке обязательной военной службы по призыву, который с 1913 г. составлял во Франции три года. Генерал Ж. Мордак, ближайший военный советник Клемансо, вспоминал, как при первом же обсуждении этого вопроса после завершения боевых действий тогдашний премьер-министр согласился с тем, что его сокращение до одного года — лишь вопрос времени¹⁵. Подобные настроения не могли не найти отклика в программах политических партий. Уже в 1921 г. парламент сократил срок военной службы по призыву с трех до двух лет. Через два года он уменьшился до 18 месяцев, а в 1928 г. — до одного года.

Эти меры негативно сказывались на обороноспособности страны. Размывалось ядро подготовленных резервистов: после 1928 г. призывника успевали обучить лишь азам военного дела, у него не развивалось навыков, которые в бою обеспечивают сплоченность и устойчивость воинских формирований. Еще важнее было то, что сокращение срока службы вело к уменьшению количества дивизий постоянной готовности. В 1920 г. Высший военный совет¹⁶, в состав которого входили высшие офицеры всех родов войск, решил, что французская армия мирного времени должна составлять не менее 41 дивизии, шесть из которых дислоцировались бы в Рейнской области. Однако

¹² *Магадеев И. Э.* Влияние Рурского кризиса на эволюцию политики Франции в сфере безопасности (1923–1926). — Вестник МГУ, 2011. Серия 8, № 1, с. 109–111.

¹³ *Hughes J. M.* To the Maginot Line. The Politics of French Military Preparation in the 1920s. Cambridge (Mass.), 1971, p. 87–88.

¹⁴ См. подробнее: *Вершинин А. А.* Дилемма Жореса: социалистический пацифизм во Франции в 1905–1940 годах. — Франция и Европа в XX–XXI веках. К юбилею Натальи Николаевны Наумовой. М., 2018.

¹⁵ *Mordacq J.* Le ministère Clemenceau, v. 3. Paris, 1931, p. 44–45.

¹⁶ Высший военный совет — главный орган военного управления Франции в период Третьей республики. Формально работал под председательством военного министра, однако фактически им руководил заместитель председателя из числа высших офицеров. При объявлении войны заместитель председателя совета становился главнокомандующим армией.

под нажимом правительства военные сдавали позиции. К 1928 г. на территории метрополии находилось лишь 20 дивизий.

По итогам военной реформы в составе действующей армии с учетом 106 000 профессиональных солдат оставалось около 226 000 человек, имеющих военную подготовку¹⁷. «[Французская] армия мирного времени, — пишет по этому поводу историк, — превратилась лишь в костяк для проведения мобилизации и формирования армии военного времени. После вывода войск из Рейнской области Франция практически утратила возможности для самостоятельного проведения ограниченных операций в Европе силами действующей армии и уверенно встала на путь, который привел к тому, что она оказалась неспособна вести какие-либо боевые действия без объявления всеобщей мобилизации»¹⁸.

В 1935 г. правительство попыталось выправить положение дел, вернувшись к двухлетнему сроку службы, однако в целом система комплектации и развертывания французской армии оставалась неизменной до начала Второй мировой войны. Гамелен нес прямую ответственность за сложившееся положение, когда в ходе обсуждения возможной реакции Франции на занятие немцами в марте 1936 г. Рейнской демилитаризованной зоны заявил, что армия предпочитала бы не идти на риск и не предпринимать каких-либо наступательных действий без объявления в стране всеобщей мобилизации¹⁹.

Постепенно оборонительная доктрина становилась безальтернативной. С 1920 г. во Франции шло обсуждение проекта строительства укрепленной линии на границе с Германией, которая после своего возведения стала известна как линия Мажино. Первоначально активно дебатировалась возможность ее использования как рубежа для ведения наступательных операций, линии, обеспечивающей маневр крупных армейских соединений²⁰. В этом духе, в частности, высказывались маршалы Ф. Фош и Ж. Жоффр. Тем не менее к концу 1920-х годов восторжествовала концепция, одним из авторов которой был маршал А. Петен. Речь шла о создании непрерывной полосы укреплений с преимущественно оборонительными целями. Именно этот замысел Петен озвучил в июне 1928 г. в своем докладе Высшему совету национальной обороны. В выступлении маршала уже присутствовали все элементы идеи «страны-крепости».

Петен обращал внимание заседавших в совете министров на то, что современная война предполагала мобилизацию ресурсов всей нации и утрата Францией промышленного и аграрного потенциала восточных и северо-восточных департаментов была бы равноценна поражению. На этой территории находилось $\frac{3}{4}$ французского производства угля и текстиля, 70% нефтеперерабатывающей промышленности, основные мощности металлургии и авиастроительной промышленности²¹. Строительство сплошной укрепленной линии давало Франции еще одно преимущество: оно позволяло компенсировать численное превосходство немцев. Предполагалось, что форты линии Мажино позволили бы французам сдерживать наступление противника, пока в тылу мобилизовалась «вооруженная нация»²².

Петен отталкивался и от собственного военного опыта. Упорной обороной укрепленного района в 1916 г. он смог отразить немецкое наступление на Верден. Вообще,

¹⁷ Documents diplomatiques français, 1932–1939. 2-e série (1936–1939), t. 3. Paris, 2006, p. 313.

¹⁸ Doughty R. A. Op. cit., p. 23.

¹⁹ Documents diplomatiques français, 1932–1939, 2-e série, t. 1. Paris, 1963, p. 444.

²⁰ Hughes J. M. Op. cit., p. 198–201.

²¹ Young R. J. In Command of France, p. 18–19.

²² Alexander M. S. In Defense of the Maginot Line. Security Policy, Domestic Politics and the Economic Depression in France. French Foreign and Defense Policy, 1918–1940. The Decline and Fall of a Great Power. London — New York, 2005, p. 169–170.

Первая мировая война демонстрировала очевидное превосходство обороны над наступлением. Успех на Марне или под Верденом выглядел привлекательнее, чем катастрофические последствия «бойни Нивеля» в 1917 г. После войны генерал Э.-М. Дебеней, единомышленник Петена, возглавлявший в 1923–1930 гг. Генеральный штаб и руководивший французской военной наукой, канонизировал схему так называемого последовательного сражения, в основе которой лежали действия его собственной армии в августе 1918 г. в битве при Мондидье²³. Ее смысл заключался в максимальном согласовании действий воинских подразделений на поле боя, контроле перемещения живой силы и вооружений согласно жесткому графику, массировании артиллерийского огня. Залогом успеха в сражении считалась централизация и детальное планирование. Их достигали в ущерб маневру и инициативе²⁴.

Военная мысль Франции, впрочем, не была статичной. Она шла и в направлении развития представлений о возможности тактического прорыва вражеского фронта с последующим развитием успеха на оперативном уровне. В первые послевоенные годы серьезный акцент делался на перспективах механизации армии. Генералы Бюа и Ж.-Б. Этьен выступали сторонниками создания мобильных танковых соединений. Последнего многие исследователи считают отцом французских бронетанковых сил²⁵. Этьен считал, что «танк, без сомнения, является самым мощным оружием внезапной атаки и, следовательно, победы». Он настаивал на том, что танковые соединения должны «находиться в общем резерве главнокомандующего». По его мнению, было бы «непрактично и нерационально применять танки как органичную часть пехотной дивизии, задача которой, так или иначе, — ведение боя с опорой на огневую мощь или силу укреплений»²⁶.

Однако оборонительная доктрина имела во Франции гораздо более глубокие корни. Она навязывала французской армии определенные организационные схемы, которые отторгали все то, что в них не вписывалось. Новые типы вооружений считались наступательными и, как следствие, не вписывавшимися в систему организации армии. На фоне общего сокращения расходов на армию, популярности темы разоружения правительство не считало возможным тратить на них. Этьен так и не смог реализовать на практике свои идеи. Его инициативы не находили сочувствия у командования армии.

Для практического воплощения новаторских подходов к военному строительству требовались политическая воля и ресурсы. Гамелен так писал об этой проблеме: «Нам не хватало не видения цели, а понимания того, какими способами ее достигать. Вместо того чтобы внедрять новое, мы всегда ограничивались пустыми разговорами. Уже по завершении боевых действий мы должны были без колебаний приступить к модернизации. Но наши тогдашние Верховное командование и Генеральный штаб под руководством маршала Петена спешили “переобуться в старые ботинки”»²⁷. Бесспорно, Гамелен — далеко не беспристрастный свидетель, однако его слова отражают реальное положение дел. В первое послевоенное десятилетие политики и высшие офицеры были солидарны в недооценке близости новой мировой войны и в неверном понимании ее возможного характера. При обсуждении законов, сокращавших срок обязательной воинской службы, почти никто из них не ставил под сомнение необходимость

²³ Doughty R. A. French Operational Art: 1888–1940. Historical Perspectives of the Operational Art. Washington, 2005, p. 88.

²⁴ Instruction provisoire du 6 octobre 1921 sur l'emploi tactique des grandes unités. Paris, 1928.

²⁵ Bond B., Alexander M. Liddel Hart and De Gaulle: The Doctrines of Limited Liability and Mobile Defense. — Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age. Ed. by P. Paret. Princeton, 1986, p. 603.

²⁶ Estienne J.-B. Les chars d'assault au combat, 1916–1919. Paris, 1931, p. 14–15.

²⁷ Gamelin M. Servir, v. 2. Paris, 1946, p. 10.

подобных реформ. Так, депутат генерал Э. де Кастельно при обсуждении уменьшения срока обязательной воинской службы в 1920 г. заявил: «Я не готов 30 лет носить на своих плечах тяжелый груз, который поможет мне избежать опасности через 50 лет. Я просто попрошу о передышке, если о таковой вообще можно говорить»²⁸.

Стабилизация международных отношений в середине 1920-х годов создавала впечатление того, что подобная передышка возможна²⁹. В 1925 г. Франция и Германия заключили Локарнские соглашения и встали на путь нормализации двусторонних связей. В этой ситуации подготовка к будущей войне отходила на второй план. перевооружение армии шло чрезвычайно медленными темпами. В 1920–1935 гг. в войска было поставлено 160 танков Рено, несколько сотен бронеавтомобилей, отдельные образцы тяжелых танков и серия ручных пулеметов³⁰. Вплоть до старта большой программы перевооружения французской армии в 1936 г. она была оснащена в основном тем же, чем воевала в Первую мировую войну.

Военное планирование полностью опиралось на существующий статус-кво и не учитывало то положение, которое неизбежно сложилось бы в будущем после вывода оккупационных войск из Рейнской области. При обсуждении военного закона, принятого в 1923 г., глава военной комиссии палаты депутатов Ж. Фабри заявил: «Свои построения я делаю, отталкиваясь от факта сохранения оккупационного режима, который установлен на 15 лет. Я не смотрю дальше»³¹. В известной степени такой подход имел под собой основания, так как любое военное планирование исходит из той стратегической ситуации, которая имеется на сегодняшний день. Но при этом те институты, которые им занимаются, должны гибко реагировать на изменение статус-кво. Военно-политическое руководство Франции полностью находилось во власти идеи того, что будущая война будет похожа на предыдущую. Как следствие, единственной перспективой на период после 1930 г. виделось превращение страны в неприступную крепость. Не случайно именно закон 1928 г., окончательно лишивший действующую армию возможности проводить самостоятельные наступательные операции, провозгласил, что «военная организация страны имеет своей главной целью обеспечение неприкосновенности национальной территории»³².

Наибольшую угрозу представляла первая атака врага, отразив которую Франция могла начинать войну на сокрушение. Для этого ей предстояло сконцентрировать все ресурсы заморской империи и заручиться всесторонней поддержкой Великобритании с целью обеспечения подавляющего стратегического превосходства над Германией³³. Система восточных союзов Парижа гарантировала открытие второго фронта, который отвлекал бы на себя значительную часть немецких сил³⁴. Победа, таким образом, достигалась бы через несколько лет и становилась логическим результатом колоссальных усилий страны. При этом никто не давал ответа на вопрос, который Гамелен в 1935 г. сформулировал на совещании с членами правительства по вопросам обороны: «Что если мы проиграем первое сражение?»³⁵.

²⁸ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 23.XII.1920.

²⁹ Магадеев И. Э. Восприятие французскими политиками угроз безопасности в 1920-е годы. — Новая и новейшая история, 2012, № 4, с. 68.

³⁰ Garraud P. La politique française de réarmement de 1936 à 1940: priorités et contraintes — Guerres mondiales et conflits contemporains, 2005, v. 219, № 3, p. 92.

³¹ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 2.III.1922.

³² La France militaire, 5.II.1929.

³³ Young R. J. In Command of France, p. 21–22.

³⁴ Hughes J. M. Op. cit., p. 85.

³⁵ Alexander M. S. The Republic in Danger..., p. 75.

ВОЕННЫЕ И ПОЛИТИКИ В ДИСКУССИЯХ О ПУТЯХ ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Вывод французских войск из Рейнской области, исчерпание потенциала франко-германской нормализации, запущенной в середине 1920-х годов, политическая дестабилизация в Германии и приход к власти в Берлине нацистов с их агрессивной внешнеполитической программой нарушили тот «консенсус умолчания», который сложился во французском военно-политическом руководстве. Политики считали, что безопасность страны может быть обеспечена новыми международными договоренностями. В 1932 г. к власти во Франции пришла левоцентристская коалиция. Сформированные при ее поддержке правительства во главе с Э. Эррио и Э. Даладье вели активные переговоры с целью заручиться поддержкой основных европейских держав в деле сохранения существующего статус-кво³⁶. Париж принимал активное участие в работе международной конференции по разоружению, проходившей под эгидой Лиги Наций в Женеве.

Затраты на армию и без того сокращались под влиянием мирового экономического кризиса, который докатился до Франции в 1931 г. В 1933 г. военные расходы бюджета были урезаны на 14%, из рядов вооруженных сил уволили около 30 000 человек³⁷. Ввиду нехватки средств были отменены летние маневры дивизий и корпусов. Интересы армии в это время представлял генерал М. Вейган, сменивший в 1931 г. Петена на посту заместителя председателя Высшего военного совета. Близкий соратник маршала Фоша, он разделял его мнение о том, что Версальский договор не гарантировал прочного мира для Франции. Вейган придерживался консервативных взглядов и уже в силу одного этого факта с подозрением относился к политике левоцентристских кабинетов, традиционно делавших акцент на международный арбитраж и разоружение как механизмы обеспечения национальной безопасности.

Осложняло положение в стране и то обстоятельство, что политики, пришедшие к руководству страной в начале 1930-х годов, принадлежали к новой генерации элиты. Те, кто привел Францию к победе в 1918 г., один за другим уходили из жизни. «Когда вспоминаешь о тех добрых французах, которые скорострительно скончались до начала войны 1939 года... приходишь к мысли о том, что в ходе этого нового кризиса Францию преследовали неудачи»³⁸, — писал по этому поводу Гамелен. Проблема заключалась в том, что государственные деятели 1930-х годов, в массе своей, не имели опыта управления в сложных условиях мировой войны и как политики сформировались под влиянием того шока, который в 1914–1918 гг. испытало все французское общество. Вероятно, именно здесь крылись корни того взаимного непонимания, которое чем дальше, тем яснее проявлялось в отношениях между ними и командованием вооруженных сил.

Вейган понимал, что в новых условиях те подходы к военному строительству, которые внедрялись в 1920-е годы, не только не действуют, но и объективно подрывают обороноспособность страны. Для военных не являлся секретом тот факт, что Германия тайно перевооружалась³⁹. Франция же в результате реформы 1928 г. уже не имела решающего преимущества в виде контингента хорошо подготовленных резервистов. Кроме того, в 1935–1939 гг. страну ожидали четыре «тощих года» — эхо Первой мировой войны с ее людскими потерями и снижением рождаемости. Количество

³⁶ Duroselle J.-B. Op. cit., p. 36–45, 70–75.

³⁷ Young R. J. In Command of France, p. 38.

³⁸ Gamelin M. Op. cit., v. 2, p. 40.

³⁹ Jackson P. France and the Nazi Menace Intelligence and Policy Making, 1933–1939. New York, 2000, p. 47–48.

призывников в это время сократилось вдвое, что повлекло за собой очевидные последствия для национальной обороноспособности. На этом фоне уменьшение финансирования армии воспринималось особенно болезненно.

В начале 1930-х годов конфликт между военным и политическим руководством Франции серьезно усугубился. Политики, делавшие ставку на разоружение и арбитраж, такие как Эррио, Даладье, Ж.-П. Бонкур, вели себя, по мнению командования армии, в высшей степени безответственно. Поль Бонкур впоследствии вспоминал о тех конфликтах, которые регулярно возникали в 1932–1933 гг. между ним и Генеральным штабом по поводу перспектив политики разоружения⁴⁰. В феврале 1933 г. советский военный представитель в Париже М. С. Островский, вхожий в круги высшего французского офицерства, писал в Москву о том, что очередная мирная инициатива, озвученная французскими представителями на конференции в Женеве, едва не вынудила Вейгана уйти в отставку. «Генералу эта политиканствующая сволочь осточертела»⁴¹, — приводил он слова одного из офицеров, знакомых с ходом дел.

Единственным вопросом, по которому в это время между военными и политиками не наблюдалось разногласий, являлся вопрос о строительстве линии Мажино. Проект по ее возведению исправно финансировался даже тогда, когда другие статьи оборонного бюджета урезались. В целом, можно согласиться с мнением М. Александера о том, что на данном этапе идея создания неуязвимого пояса укреплений на восточной границе страны являлась тем пунктом, где военно-политическое руководство страны достигало единогласия. Военные «одобряли замысел строительства оборонительной системы не только потому, что искренне верили в ее стратегическую ценность, но и осознавая тот факт, что ничего бы не получили взамен нее»⁴². Для Вейгана, как и для Петена, линия Мажино представляла собой одну из возможностей решить проблему численного превосходства Германии над Францией. Другим путем достижения этой цели было возвращение двухлетнего срока службы в армии, чего военным удалось добиться в марте 1935 г. уже после того, как Вейгана на посту заместителя председателя Высшего военного совета сменил Гамелен.

Новый командующий французскими сухопутными силами имел собственные представления о задачах и способах военного строительства. Гамелен исходил из того, что озабоченность руководства армии вопросами численности войск и их оборонительного потенциала загоняла его в порочный круг, где хороших решений стоявших перед страной проблем не имелось. Требовалось сформулировать иную логику военного строительства, в рамках которой страна могла бы асимметрично реагировать на новые вызовы. Уход от сугубо оборонительной доктрины мог бы открыть перед французским военным планированием новые горизонты. «Франции нужен был не только щит, но и меч»⁴³, — писал впоследствии Гамелен.

В первые месяцы своего пребывания на посту заместителя председателя Высшего военного совета он сформулировал план реорганизации французской армии. Ответственность за защиту линии Мажино должны были взять на себя воинские формирования, составленные из профессиональных солдат, к которым, в случае необходимости, присоединялись контингенты, призванные из восточных департаментов страны. При этом действующая армия, дислоцированная на границе в штатах военного времени, получала определенную свободу действий и маневра в первые дни и недели

⁴⁰ Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, t. 3. Paris, 1951, p. 786–787.

⁴¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), ф. 558, оп. 11, д. 432, л. 62.

⁴² Alexander M. S. In Defense of the Maginot Line..., p. 177.

⁴³ Gamelin M. Op. cit., v. 2, p. 42.

войны. Кроме того, «появилась возможность повышать ее эффективность и делать ее максимально мобильной за счет “моторизации” и “механизации”»⁴⁴. Выйти из тупика нехватки живой силы Гамелен предполагал за счет активного внедрения технических инноваций. Таким образом, создавалась «армия начала войны», которая могла как парировать внезапное нападение, так и сама перейти в наступление в случае необходимости. «Гамелен, — отмечал французский военный историк, — без сомнения был одним из тех французских генералов, которые являлись активными сторонниками наступательных действий армии, имеющей на вооружении бронетанковые силы»⁴⁵.

Эти соображения опирались на реалии стратегического положения Франции в середине 1930-х годов. В январе 1934 г. Гамелен подготовил доклад, в котором четко сформулировал идею о том, что страна должна не только защитить свои собственные границы, но и оказать помощь непосредственным соседям и восточноевропейским союзникам в случае нападения на них Германией, а также сдерживать при необходимости Италию. Наличные силы французской армии не соответствовали этим масштабным задачам. Поэтому Гамелен считал, что Франции необходимо активно ставить на вооружение танки массой около 30 т и гаубицы калибром 155 и 220 мм, повышая, таким образом, мобильность и огневую мощь вооруженных сил⁴⁶. Это предполагало прекращение попыток решить вопрос обеспечения безопасности страны на Женевской конференции.

Февральские события 1934 г. во Франции, сопровождавшиеся выступлениями против правительств «Картеля левых», привели к власти правоцентристское правительство Г. Думерга, пост военного министра в котором занял Петен, а МИД возглавил Л. Барту. При участии последнего 17 апреля 1934 г. Париж официально уведомил Лондон об отказе Франции от дальнейших переговоров по разоружению⁴⁷. Военные воспрянули духом. По их мнению, открывались перспективы увеличения численности и переоснащения вооруженных сил. В 1934 г. Петен инициировал первую с начала 1920-х годов программу перевооружения армии. Однако предпосылки тех проблем, с которыми столкнулось французское военное руководство к середине 1930-х годов, были связаны не столько с партийной принадлежностью очередного кабинета министров, сколько со структурными недостатками социально-политической и экономической модели Третьей республики.

Гамелен мог сделать соответствующие выводы уже в первые месяцы своего пребывания на посту командующего сухопутными силами. В начале 1935 г. французское военно-политическое руководство столкнулось с острой критикой избранных им подходов к строительству национальных вооруженных сил. У ее истоков стояли тогда малоизвестный подполковник Ш. де Голль и депутат нижней палаты парламента П. Рейно. В их текстах и выступлениях речь шла о переходе к полностью профессиональной армии постоянной готовности, ее моторизации и массовом оснащении бронетанковой техникой с созданием активных мобильных соединений⁴⁸. По мнению де Голля и Рейно, сокращение сроков службы по призыву, чрезмерное внимание оборонительному аспекту военной доктрины и сокращение финансирования вооруженных сил привели к тому, что Франция оказалась не в состоянии обеспечить неприкосновенность своей территории в случае войны.

Гамелен сам исходил из схожего видения ситуации, однако он и высшие офицеры его штаба отнеслись к предложениям де Голля достаточно сдержанно.

⁴⁴ Ibid., p. 43.

⁴⁵ *La Gorce P.-M. de. La République et son armée. Paris, 1963, p. 376.*

⁴⁶ *Minart J. Le drame du désarmement français. Paris, 1960, p. 69–71.*

⁴⁷ *Documents diplomatiques français (1932–1939). 1-er série (1932–1935), t. 6. Paris, 1972, p. 272.*

⁴⁸ *Арзаканян М. Ц. Де Голль. М., 2007, с. 40–42, 45–46.*

В историографии часто указывается на тот факт, что косность французских генералов помешала им разглядеть весь потенциал идей малоизвестного подполковника. Вероятно, подобный взгляд нуждается в некоторой корректировке. Очевидно, что де Голль во Франции не являлся пионером в сфере изучения перспектив механизации вооруженных сил. Схожие идеи, как отмечалось, высказывались еще в 1920-е годы. Первое экспериментальное механизированное соединение было сформировано по предложению Вейгана и при поддержке премьер-министра Даладье в мае — декабре 1933 г. на базе 4-й кавалерийской дивизии, дислоцированной в Реймсе⁴⁹. В 1935 г. в составе действующей армии была создана первая регулярная легкая механизированная дивизия.

Действительно, во французском генералитете существовало влиятельное течение, выступавшее против организационного обособления бронетанковых сил. Генеральные инспекторы пехоты и кавалерии, руководствуясь ведомственными интересами, рассматривали танки как вспомогательный вид вооружений, который целесообразно интегрировать в устоявшуюся структуру сухопутной армии. В вопросе самостоятельного применения танковых соединений как средства прорыва фронта во Франции также не было единства. В своих мемуарах Гамелен неизменно представлял себя сторонником идеи бронетанковых дивизий⁵⁰, однако и он колебался в ходе обсуждений того, как именно следует их использовать на поле боя⁵¹. Если бы высказанная критика касалась чисто военного аспекта проблемы, то она, вероятно, внесла бы свой важный вклад в уже шедшую дискуссию и не натолкнулась бы на столь упорное неприятие со стороны высших офицеров. Трудность заключалась в том, что де Голль и Рейно резко политизировали этот вопрос. Они упрекали Генеральный штаб в заикленности на проблеме численности действующей армии и игнорировании тех перспектив ее качественного усиления, которые открывались бы с внедрением технических инноваций⁵². Подобные обвинения не имели под собой оснований и объяснимо вызвали лишь недовольство высшего армейского командования. Однако главной причиной неприятия идей де Голля была проведенная им связь между механизацией и профессионализацией армии. После войны об этом прямо говорил Гамелен: «Именно увязка проблем больших бронетанковых соединений и профессиональной армии навредила проекту создания танковых дивизий при его обсуждении в парламенте и в военных кругах»⁵³.

Руководители армии считали, что де Голль поднимал важную тему, но уводил ее обсуждение в ложное русло. Говорить о профессиональной армии в то время, когда Германия взяла курс на формирование массовых вооруженных сил, означало впадать в опасную иллюзию. Кроме того, Гамелен указывал на то, что после реформы 1928 г. Франция фактически исчерпала резерв желающих служить в армии по контракту. По его мнению, полная профессионализация бронетанковых соединений в любом случае не имела смысла. Профессиональные навыки требуются лишь от тех, кто непосредственно работает со сложной современной техникой. Весь обслуживающий персонал можно подготовить из числа призывников. Де Голль не говорил и о том, где взять деньги на подобную масштабную перестройку вооруженных сил⁵⁴. Не менее серьезными были и политические последствия его предложений.

⁴⁹ Paoli F.-A. L'Armée Française de 1919 à 1939, v. 4. Vincennes, 1977, p. 78–83.

⁵⁰ Gamelin M. Op. cit., v. 2, p. 187–188.

⁵¹ Doughty R. A. The Seeds of Disaster..., p. 169–171.

⁵² Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 16.III.1935.

⁵³ Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, t. 2. Paris, 1951, p. 385.

⁵⁴ Bond B., Alexander M. Op. cit., p. 613–618.

С точки зрения французского республиканского дискурса, переход к профессиональной армии означал отказ от концепции вооруженной нации, тесно связанной с демократическими традициями страны. Превращение вооруженных сил в закрытую корпорацию, к чему вела их профессионализация, по мнению многих политиков, помнивших о буланжизме и деле Дрейфуса, несло с собой угрозу республиканским институтам и возрождало опасность военного переворота. Лидер французских социалистов Л. Блюм в своем выступлении на том же заседании парламента в марте 1935 г., где обсуждались предложения Рейно, заявил, что профессионализация армии фактически означает превращение ее в «преторианскую гвардию»⁵⁵. Левых политиков смущал и сделанный де Голлем и Рейно акцент на наступательном характере бронетанковых сил. Пацифистские настроения среди французских элит и общественного мнения сохранялись, и с ними нельзя было не считаться.

Гамелен исходил из того, что перестройку армии можно провести, лишь сотрудничая с политическим руководством страны, находя компромиссы и идя на уступки. В этом он расходился со многими представителями высших военных кругов. По мнению генерала, фрондирование республиканским институтам не имело смысла. Чтобы навязать им свою повестку строительства национальной обороны, поставив ее на первое место среди приоритетов развития страны, армия должна политизироваться, а это, как считал Гамелен, опасно и недопустимо. Подобная позиция обрекала его на длительные, порой мучительные поиски общего языка с политиками Третьей республики, которым явно не доставало воли и ясного понимания сложности той ситуации, в которой оказалась Франция в 1930-х годах.

ОБОРОНА ПРОТИВ УМИРОТВОРЕНИЯ

Приход Гамелена на пост заместителя председателя Высшего военного совета в январе 1935 г. практически совпал по времени с важными переменами в правительстве. С октября 1934 г. за внешнюю политику страны отвечал П. Лаваль. Полгода спустя он также занял пост премьер-министра. В отечественной и зарубежной историографии закрепилось критическое отношение к политике Лаваля в предвоенные годы. Во многом оно является проекцией негативной оценки его деятельности в годы Второй мировой войны, когда он стал одним из лидеров французского коллаборационизма. Его имя тесно связано с политикой «умиротворения» Германии, и на Лаваля возлагается ответственность за ее провал⁵⁶. Не вдаваясь в дискуссии по этому вопросу, все же следует отметить, что политика Лаваля опиралась на определенное видение международной ситуации, задач, стоявших перед Францией, и тех ресурсов, которые имелись у нее в распоряжении для их решения.

22 января 1935 г., на следующий день после своего назначения Гамелен нанес визит Лавалю. «Он уверил меня, — вспоминал генерал, — что при любых обстоятельствах поддержит предложения по обеспечению национальной обороны. Однако он попросил меня формулировать их прямо и не просить лишнего; последующие политические шаги должно было предпринимать правительство»⁵⁷. За просьбой не просить лишнего скрывалась крайняя озабоченность состоянием государственных финансов. Экономический кризис заставлял сокращать расходы, и военный бюджет попал под секвестр в первую очередь. В июне правительство Лаваля сократило на 17% ассигнования на армию, предназначенные к выделению до конца 1935 г. Одновременно

⁵⁵ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 16.III.1935.

⁵⁶ О П. Лавале подробнее см.: *Cointet J.-P.* Pierre Laval. Paris, 1993.

⁵⁷ *Gamelin M.* Op. cit., v. 2, p. 155.

программа перевооружения, инициированная годом ранее, растягивалась по времени с целью сокращения ежегодной нагрузки на военный бюджет. Как следствие, минимум на год откладывалось оснащение вооруженных сил новыми образцами танков и артиллерийских систем⁵⁸.

В ситуации обострения международной обстановки на фоне назревающего итало-эфиопского конфликта и восстановления всеобщей воинской обязанности в Германии подобные сокращения затрат на оборону могли показаться бессмысленными. Однако, по мнению Лавала, Франция была слишком слаба, чтобы проводить жесткую политику на мировой арене. Курс на соглашение с Берлином казался ему наиболее предпочтительным. Его успех избавил бы Францию от необходимости ввязываться в затратную и рискованную гонку вооружений. Во многом подобный подход перекликался с миротворческими инициативами А. Бриана середины 1920-х годов, однако ситуация в мире с тех пор серьезно изменилась. 22 января на встрече с главой МИД в ответ на его пожелание «не просить лишнего» Гамелен представил детальный отчет о германских военных приготовлениях. Он считал, что с Гитлером необходимо говорить на равных. «Однажды, — отмечал он, — мы может быть сможем прийти к пониманию с Германией; но это надо делать с высоко поднятой головой, после того как наша программа технического переоснащения в оборонной сфере будет завершена»⁵⁹.

Сокращения военного бюджета, инициированные правительством Лавала, объективно этому препятствовали. Они сказывались и на состоянии французской военной промышленности. Крупный бизнес, владевший основными военно-производственными мощностями, шел на риск, берясь за выполнение заказа, оплата по которому могла прийти с серьезной задержкой. Военный бюджет принимался сроком на один год и постоянно пересматривался в сторону уменьшения, что делало бессмысленными долгосрочные инвестиции в расширение военного производства. Ставка политического руководства страны на «умиротворение» потенциального внешнего противника формировала у бизнесменов принципиально иные ожидания. Они предпочитали делать вложения в гражданское машиностроение, что еще сильнее сокращало производственную базу военной промышленности. «На фоне неясных экономических перспектив, — отмечает современный исследователь, — невозможно было убедить предпринимателей, занятых изготовлением вооружения, четко придерживаться действующих контрактов или инвестировать в создание дополнительных мощностей с целью расширения в будущем массового производства»⁶⁰.

Французская индустрия и без того была слаба для выполнения более или менее значительной программы перевооружения армии. Во многом по причине многолетнего отсутствия регулярного государственного оборонного заказа к середине 1930-х годов лишь заводы Л. Рено располагали необходимыми мощностями для развертывания массового изготовления новых моделей бронетехники. Лишь фирмы «Рено» и в меньшей степени «Гочкис» имели необходимые оборотные капиталы для осуществления инвестиций в военное производство в ситуации отсутствия четких гарантий стабильного финансирования со стороны государства. Это превращало их в фактических монополистов, что ставило военных в заведомо невыгодные условия при ведении переговоров.

Большую озабоченность вызывало и другое обстоятельство: во французском военно-промышленном комплексе возникало своего рода «бутылочное горло», когда

⁵⁸ *Alexander M. S.* The Republic in Danger..., p. 57.

⁵⁹ *Ibid.*, p. 76.

⁶⁰ *Maiolo J.* Cry Havoc: How the Arms Race Drove the World to War, 1931–1941. New York, 2012, p. 166.

бюджетные средства, направленные на перевооружение армии, нельзя было конвертировать в готовую продукцию по причине нехватки производственных мощностей. Фактически все они оказались заняты под выполнение оборонного заказа уже в 1935 г.⁶¹ На повестке дня вставал вопрос национализации по крайней мере части предприятий военно-промышленного комплекса.

В 1935 г. отношения между военным и политическим руководством страны быстро деградировали до состояния начала 1930-х годов. Тот факт, что на смену левоцентристским правительствам пришел кабинет, в целом подконтрольный правым партиям, ничего не менял. Проблемы, с которыми имели дело французские политики и генералы, являлись системными. Взгляды Гамелена на перспективы обеспечения национальной обороны явно противоречили точке зрения руководства страны. В ноябре 1935 г. на заседании Высшего военного совета премьер-министр озвучил свою внешнеполитическую стратегию. Он констатировал, что Франция никогда не сможет конкурировать с Германией по темпам перевооружения и единственный путь обеспечения безопасности страны — уступки на международной арене, прежде всего соглашение с Берлином. «Достойна ли Франции эта бесчестная политика постоянного торгашества?» — записал Гамелен свои впечатления в дневнике⁶².

Политика кабинета Лавалля стала серьезным препятствием на пути создания боеготовой армии мирного времени. По признанию Р. Жакоме, в середине 1930-х годов вплотную занимавшегося проблемами французской военной промышленности, «1934 и 1935 годы для перевооружения армии были практически потеряны»⁶³. По плану к концу 1936 г. в вооруженных силах должно было состоять 1500 легких и 100 тяжелых танков. Перебои в финансировании привели к тому, что в середине 1936 г. заказы были оформлены лишь на 700 легких машин R-35 и H-35 (фирм «Рено» и «Гочкис») ⁶⁴. В этой ситуации Гамелен фактически отказался брать на себя ответственность за принятие мер военного характера, когда 7 марта 1936 г. немецкие войска заняли Рейнскую демилитаризованную зону.

Восстановление взаимопонимания между генералитетом и политиками зависело от признания последними факта обострения угрозы войны, которую нельзя было купировать лишь дипломатическими способами. Казалось, что левоцентристское правительство Народного фронта, пришедшее к власти по итогам парламентских выборов 1936 г., было мало настроено на диалог с военными. Его председатель, лидер Французской социалистической партии Л. Блюм имел репутацию убежденного пацифиста. Портфель главы военного ведомства получил Даладьё, который, будучи премьер-министром в 1933 г., предпринимал попытки договориться с Гитлером о сокращении вооружений и нормализации двусторонних отношений, а также урезал расходы на национальную оборону. Однако именно возвращение Даладьё во власть позволило, хотя бы на время, восстановить взаимопонимание между военными и политиками.

Новый хозяин особняка на улице Сен-Доминик во многом изменил свои взгляды и окончательно оставил надежды на то, что Гитлера можно «умиротворить» посредством дипломатии. Этого мнения он придерживался вплоть до начала Второй мировой войны, в том числе и в ходе Судетского кризиса 1938 г.⁶⁵ Очевидно, ему была близка

⁶¹ *Frankenstein R.* Le prix du rearmement frangais (1935—1939). Paris, 1982, p. 11.

⁶² *Gamelin M.* Op. cit., v. 2, p. 180—181.

⁶³ Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, t. 1. Paris, 1951, p. 197.

⁶⁴ *Alexander M. S.* The Republic in Danger..., p. 110.

⁶⁵ О политике Даладьё во время Судетского кризиса подробнее см.: *Réau E. du.* Edouard Daladier; *Вершинин А. А.* Эдуард Даладьё и политика «умиротворения агрессора» накануне Второй мировой войны. — Новая и новейшая история, 2018, № 4.

идея Гамелена о том, что говорить с Берлином нужно с позиции силы. Едва ли Даладье кривил душой, когда в 1947 г. в своем выступлении перед парламентской комиссией говорил о тех мотивах, которые двигали им в 1936 г.: «Если Франция сама обеспечивает свою безопасность перед лицом Германии, ей необходимо вооружаться»⁶⁶.

Первой мерой, которую он осуществил на посту военного министра, стало принятие парламентом в июле — августе 1936 г. закона о национализации военной промышленности, давшего правительству право выкупать предприятия, выпускавшие продукцию оборонного назначения. За год в государственную собственность перешло 39 заводов, преимущественно ориентированных на военное производство. Речь не шла о масштабной национализации, которая создала бы обширный государственный оборонно-промышленный комплекс. Как показало ближайшее будущее, эта мера не позволила эффективно решить проблему «бутылочного горла» в секторах военного производства. В то же время она являлась огромным шагом вперед, так как создала важный задел для масштабного проекта по перестройке французских вооруженных сил.

Соответствующее решение было принято по инициативе Даладье на заседании правительства 7 сентября 1936 г. Речь шла о беспрецедентной программе перевооружения, крупнейшей за всю историю Франции. Ассигнования по ней составили 14 млрд франков на четыре года. Ее выполнение позволило бы Франции сформировать к 1940 г. 12 батальонов тяжелых танков, 50 батальонов танков сопровождения пехоты, обеспечить комплектацию трех механизированных легких дивизий, поставить в армию 6500 противотанковых орудий и 5000 танкеток⁶⁷.

Гамелен в свою очередь рассчитывал, наконец, получить в нужном количестве тяжелые танки серии «В», без чего он считал невозможными полноценные эксперименты по созданию самостоятельных бронетанковых соединений. Он предполагал сформировать пять танковых дивизий, из которых две имели бы на вооружении исключительно тяжелые танки, три состояли бы из машин R-35, H-35 и SOMUA, а также моторизовать 10 из 20 дивизий действующей армии⁶⁸. Должна была количественно и качественно вырасти французская авиация. Так называемый «план II», инициированный молодым и активным министром авиации П. Котом, предполагал к 1939 г. строительство 1500 боевых самолетов⁶⁹.

Армия получила то, чего она хотела долгие годы. Во многом это стало результатом плодотворного сотрудничества Даладье с Блюмом и Гамеленом. Военный министр взял на себя роль посредника, донес до высшего руководства позицию армейского командования и убедил его в том, что к ней стоит прислушаться. Рабочие отношения между начальником Генерального штаба и министром сохранялись вплоть до начала Второй мировой войны. «Несмотря на большие трудности, — признавался впоследствии Гамелен, — мы с ним сработались, я бы сказал, на прагматичной основе. Между нами существовали разногласия, однако были и периоды разрядки»⁷⁰.

Военным открылось фактически неограниченное финансирование. Расходы на вооруженные силы росли как на дрожжах: в 1935 г. 22% государственного бюджета шло на военные нужды, в 1936 и 1937 гг. — 33%, в 1938 г. — 37%, в 1939 г. — 64%⁷¹. Правительство осознавало всю значимость стоявших перед ним задач и попыталось подойти

⁶⁶ Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, t. 1, p. 14.

⁶⁷ Crémieux-Brilhac J.-L. Les Français de l'an 40, t. 2: Ouvriers et soldats. Paris, 1990, p. 350.

⁶⁸ Alexander M. S. The Republic in Danger..., p. 110.

⁶⁹ Steiner Z. Op. cit., p. 275.

⁷⁰ Gamelin M. Op. cit., v. 2, p. 92.

⁷¹ Steiner Z. Op. cit., p. 276.

к их решению системно. Фактически Даладье возглавил новое министерство вооруженных сил и национальной обороны, которое впервые за послевоенную историю Франции формально взяло на себя роль координирующей инстанции для всех родов войск. Здесь явно просматривалось понимание того, что стране необходима единая стратегия обеспечения внешней безопасности. Тем не менее правительство Народно-го фронта столкнулось с системными проблемами в строительстве вооруженных сил, для решения которых ему требовались принципиально иные ресурсы.

ТУПИКИ ФРАНЦУЗСКОГО ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Национализация дала в распоряжение военных важные промышленные мощности, которые позволили им взять под свой контроль весь процесс разработки новых типов вооружений. Однако в абсолютных цифрах новый государственный военно-промышленный сектор представлял собой каплю в море: на девять национализированных в интересах сухопутных сил заводов приходилось около 600 частных, так или иначе занятых выполнением оборонного заказа⁷². Попытаться перевести их в государственную собственность означало пойти на острый конфликт с крупным и средним капиталом и стоявшими за ним парламентскими партиями и общественными движениями. Правительство Народного фронта и без того оказалось в центре мощных социально-политических сражений, поставивших страну на грань гражданского противостояния.

Структура французской промышленности вообще с трудом поддавалась централизации. Прежде всего, сказывалась слабая степень концентрации капитала. По подсчетам Жакоме, секретаря военного министерства и правой руки Даладье, в 1936 г. к реализации государственной оборонной программы непосредственно или в качестве субподрядчиков были подключены около 6000 предприятий, в том числе множество мелких мастерских, поставлявших комплектующие на более крупные производства⁷³. Многие из них мало напоминали современные предприятия. Даладье вспоминал свое удивление после посещения цехов фирмы «Гочкис», в которых артиллерийские орудия изготавливались полукустарным способом⁷⁴. Цепочка посредников и сроки выполнения заказов, таким образом, заведомо растягивались, что влекло за собой задержки в получении готовой продукции.

Эти врожденные болезни французской индустрии обострились экономическим кризисом и социальными боями, сопровождавшими становление Народного фронта во Франции. Забастовочное движение, достигшее своего пика в июне 1936 г., нанесло серьезный удар по военным поставкам. Передача армии запланированных 70 танков серии «В» была фактически сорвана: к июлю военные получили лишь 17 из них. Из-за забастовок на два месяца задержались поставки танков R-35 и H-35. В июне чиновники военного министерства доложили Даладье, что противотанковые пушки для вооружения линии Мажино не будут поставлены по графику в январе 1937 г., так как стачки «полностью парализовали все производство»⁷⁵.

Особенно сильно забастовочное движение сказывалось на производственном потенциале многочисленных небольших фирм-субподрядчиков. В октябре 1936 г. на заседании Высшего военного совета генералы констатировали срыв в поставках танков и бронеавтомобилей ввиду невозможности оснастить их вооружением, броней

⁷² Alexander M. S. The Republic in Danger..., p. 114.

⁷³ Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, t. I, p. 200.

⁷⁴ Ibid., p. 18.

⁷⁵ Alexander M. S. The Republic in Danger..., p. 116.

и оптикой, комплектующие к которым изготавливали субподрядчики⁷⁶. Не хватало первичных материалов, прежде всего, стали. Занятые их производством заводы также испытали на себе влияние забастовочной волны. Расширению производства препятствовала и нехватка квалифицированной рабочей силы, сохранявшаяся, несмотря на высокий уровень безработицы в стране⁷⁷. Проблему могла бы решить отмена 40-часовой рабочей недели для предприятий, занятых выполнением военных заказов, однако соответствующие предложения генералов долго не находили отклика у политиков, входивших в коалицию Народного фронта.

Назревал вопрос перевода экономики на военные рельсы, и Генеральный штаб все увереннее ставил его перед политическим руководством. В Германии с весны 1936 г. началось выполнение так называемого четырехлетнего плана, который должен был подготовить хозяйство страны к войне. Однако Франция не поспевала за своим ближайшим конкурентом. Предприниматели, контролировавшие большую часть промышленности, относились к выпуску оружия так же, как к производству любой другой продукции. Рено по-прежнему большое значение придавал производству гражданских автомобилей, пытаясь выиграть в конкурентной борьбе у фирм «Пежо» и «Ситроен». Даже накануне сентября 1939 г. лишь 18% мощностей его заводов работали на военное ведомство⁷⁸.

Позиция предпринимателей во многом совпадала с точкой зрения министерства финансов. Его руководство также исходило из приоритета сохранения высокого уровня производства гражданской продукции с целью стимулирования экспорта, который давал стране ценную валюту, позволял финансировать закупки дефицитного сырья и в целом компенсировать затраты на программу перевооружения. Ж. Бонне, возглавивший Минфин летом 1937 г., считал невозможным перевооружать армию и в то же время поддерживать высокий уровень жизни населения, «производить одновременно много масла и пушек»⁷⁹. Серьезно снижать уровень потребления домохозяйств ради наращивания военного производства означало создавать дополнительные социально-политические риски.

Целью Рейно на посту министра финансов, как отмечал его ближайший сотрудник, было «дать Франции не военную экономику... а простой механизм расширенного воспроизводства богатств»⁸⁰. Речь шла о курсе на либерализацию экономики, отказе от чрезмерного налогообложения бизнеса, сохранении баланса между гражданскими и военными отраслями экономики с целью привлечения во Францию капитала, укрепления курса франка и формирования обширных государственных золотовалютных резервов. Именно они должны были помочь стране выстоять в войне на истощение.

Таким образом, политика правительств Народного фронта в военно-экономической сфере отмечалась целым рядом глубоких противоречий. Руководство страны отдавало себе в этом отчет. Летом 1937 г. правительство Блюма поставило перед парламентом вопрос о делегировании кабинету министров особых полномочий с целью усиления контроля над финансовыми потоками. Помимо этого, насущно требовался эффективный механизм, который бы позволил активизировать работу оборонных предприятий за счет законодательного продления рабочего дня на отдельных заводах и фабриках, а также ограничения трудовых прав занятых на них рабочих. В ситуации

⁷⁶ Ibid., p. 120.

⁷⁷ Это констатировал сам Даладье: *Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945*, t. 1, p. 17.

⁷⁸ *Fridenson P. Histoire des Usines Renault*, t. 1. Paris, 1972, p. 291–292.

⁷⁹ Цит. по: *Frankenstein R. A propos des aspects financiers du réarmement français (1935–1939)*. — *Revue d'histoire de la Deuxième Guerre Mondiale*, 1976, v. 26, № 102, p. 7–8.

⁸⁰ *Sauvy A. De Paul Reynaud à Charles De Gaulle. Un économiste face aux hommes politiques, 1934–1967*. Paris, 1972, p. 80–81.

1936—1938 гг. это противоречило базовому целеполаганию коалиции Народного фронта и, очевидно, влекло за собой серьезные социальные последствия, для преодоления которых правительству требовались значительные политические ресурсы.

Даладьё считал, что руководство нацистской Германии, действуя авторитарными методами, добивалось более значительных результатов в деле перестройки экономики, и сожалел о том, что «не может действовать, как Гитлер»⁸¹. В июне 1938 г. он предельно откровенно высказывался на встрече с советским дипломатом: «Производительность труда очень низкая. В то время как Германия и Италия работают круглые сутки, он — Даладьё — не может добиться увеличения числа рабочих часов в военной промышленности... Рабочие не желают усилить производство даже по линии обороны. Такое положение не может продолжаться. Французская республика не может существовать при таких условиях, она должна либо погибнуть, либо уступить место диктатуре. Необходима дисциплина, и у него лично при виде дезорганизации производства иногда является желание “взять палку и пойти на завод”»⁸². Речь шла о централизации управления социально-экономической сферой, внедрении элементов государственного регулирования, которые бы позволили создать прочную индустриальную основу для дальнейшей модернизации вооруженных сил.

Здесь в полной мере сказались внутренняя рыхлость политической системы Третьей республики и общая дезориентация ее элит. Вероятно, нигде противоречия между военным и политическим руководством Франции не проявлялись настолько наглядно, как в работе государственных органов, отвечавших за национальную оборону. Созданный в 1932 г. Высший военный комитет включал в себя командование армии, авиации и флота, а также руководство соответствующих министерств при участии главы МИД и председателя правительства. Его важнейшей задачей являлись выработка и реализация общей линии в организации национальной обороны, которая учитывала бы позиции всех ведомств, связанных с ее обеспечением⁸³. Уже в 1935 г. Комитет был фактически парализован: разногласия между Лавалем и генералами привели к тому, что он собирался без председателя правительства и министра иностранных дел в одном лице.

Взятая правительством Народного фронта линия на централизацию усилий с целью реализации масштабной программы перевооружения предполагала рост значения координирующей инстанции, в 1936 г. реорганизованной в Постоянный комитет национальной обороны. Однако и он быстро оказался во власти ведомственных и межпартийных противоречий. Флот и авиация, будучи институционально автономны от армейского командования, «тянули одеяло на себя», рассчитывая получить большую долю оборонного бюджета. Особой активностью отличался министр авиации П. Кот, ревностно защищавший самостоятельность военно-воздушных сил и считавший, что они призваны играть независимую роль в будущей войне. Также негативно сказывались и политические разногласия между регулярно сменявшимися министрами, которые, как правило, принадлежали к различным партиям. По замечанию историка, «логика формирования [Комитета] из представителей властных групп скорее с целью обеспечения равновесия различных течений внутри парламентского большинства, чем создания команды, занятой реализацией уже согласованного проекта, усугубленная разногласиями по вопросам внешней политики... объясняет относительную неудачу его работы»⁸⁴.

⁸¹ *Maiolo J.* Op. cit., p. 182.

⁸² Архив внешней политики РФ, ф. 05, оп. 18, п. 149, д. 160, л. 40.

⁸³ Подробнее см.: *Guelton F.* Les hautes instances de la défense nationale sous la Troisième République. Militaires en république, 1870—1962: les officiers, le pouvoir et la vie politique en France. Paris, 1999, p. 53—65.

⁸⁴ *Catros S.* Du Haut Comité Militaire au Comité Permanent de la Défense Nationale: les apories du dialogue politico-militaire en France (1935—1937) — *Matériaux pour l'histoire de notre temps*, 2013, v. 109—110, № 1, p. 49.

В результате централизаторские потуги правительства из раза в раз оканчивались без сколько-нибудь значительного результата. Координирующие функции военного министерства, которые оно получило после назначения Даладьё, во многом остались на бумаге. Важной ахиллесовой пятой всей французской военной машины Гамелен считал ведомственную самостоятельность различных родов вооруженных сил и соответствующих министерств. В частности, об этом он заявлял советскому военному атташе в Париже С. И. Венцову еще в 1933 г., отметив тогда, что реальное взаимодействие между армией, авиацией и флотом обеспечивается лишь личным авторитетом главнокомандующего Вейгана⁸⁵. С целью исправления этой ситуации в январе 1938 г. генерал был назначен начальником Генерального штаба национальной обороны, что формально ставило его над руководством военно-воздушных сил и флота. Однако реально его функции сводились к роли помощника военного министра, взаимодействующего одновременного со всеми родами вооруженных сил⁸⁶.

С 1936 г. военные предлагали правительству учредить специальное министерство вооружений. Оно должно было «возродить, наладить и поставить под контроль разбалансированный административный и политический аппарат, ответственный за поставку [военного] оборудования и снаряжения»⁸⁷. Однако Даладьё неизменно отклонял эту идею. Он, очевидно, сомневался, что министерство вооружений сможет действовать эффективно в ситуации прогрессирующего паралича всей управленческой вертикали. Вероятно, имело место и другое соображение: подобный орган быстро превратился бы в суперведомство, а его руководитель получил бы слишком большую власть. Так или иначе, но в июле 1938 г. специальный закон возложил обязанности по обеспечению взаимодействия военных и гражданских структур на самого премьер-министра. Выходом из путаницы аппаратных споров и межпартийных противоречий Даладьё видел свое личное вовлечение в решение повседневных вопросов организации национальной обороны.

Таким образом, вместо системного сотрудничества политиков и военных во Франции возникла ситуация, когда подготовка страны к будущей войне зависела от личного взаимопонимания между Даладьё и Гамеленом. Работая в чрезвычайных условиях, их тандем смог многого добиться. Придя на пост председателя правительства в апреле 1938 г., Даладьё получил от парламента чрезвычайные полномочия, которых не мог добиться Блюм. Оборонные заводы перешли на 50–60-часовую рабочую неделю. За отказ работать сверхурочно начали штрафовать и увольнять. Право на забастовки ограничивалось, а в отношении тех, кто продолжал в них участвовать, применяли силу. Эта жесткая политика возымела эффект — в 1937 г. французский военно-промышленный комплекс начал выходить из кризиса.

В частности, постепенно возрождалась авиастроительная отрасль. Перенос ее основных мощностей за пределы Парижского региона, инициированный Котом в 1936 г., сопровождался серьезными издержками⁸⁸. Однако уже в конце 1937 г. ВВС Франции располагали 1500 боевыми самолетами, большую часть из которых представляли современные модели⁸⁹. К сентябрю 1939 г. по сравнению с серединой 1936 г. число противотанковых пушек во французской армии выросло в 4,7 раза — до 6000 стволов. Фактически с нуля был создан парк современных средних и легких, а также тяжелых

⁸⁵ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 432, л. 137.

⁸⁶ Gamelin M. Op. cit., v. 2, p. 308–310.

⁸⁷ Alexander M. S. The Republic in Danger..., p. 133.

⁸⁸ Ibid., p. 161.

⁸⁹ Le Goyet P. Evolution de la doctrine d'emploi de l'aviation française entre 1919 et 1939. — Revue d'histoire de la Deuxième Guerre Mondiale, 1969, v. 19, № 73, p. 27.

танков, общее число которых выросло до 3600 машин⁹⁰. Даладье имел основания заявить в 1947 г.: «Если вы примете во внимание то время, которое мы потеряли, трудности, которые мы преодолели, и результаты, которых мы достигли, то согласитесь с тем, что за эти два с половиной года Франция сделала огромный рывок».

Между тем к 1937–1938 гг. многое уже было упущено. Французы получили необходимое количество танков для возобновления экспериментов по их боевому применению, в том числе в составе самостоятельных мобильных соединений, но первые полноценные танковые дивизии во французской армии появились лишь в январе 1940 г.⁹¹ Военная авиация под руководством нового министра Г. Ля Шамбра вставала на ноги. Согласно принятому в 1938 г. «плану V», к марту 1941 г. в ее составе должно было находиться более 2600 самолетов⁹². Но она по-прежнему серьезно уступала Люфтваффе, а доктрина ее боевого применения оставалась неразработанной. Все это болезненно скажется после начала Второй мировой войны.

Однако более важным представляется другое обстоятельство. Возникший в 1936 г. во многом спонтанно механизм взаимодействия между военным и политическим руководством страны, функционировавший в ручном режиме, в принципе не мог обеспечить слаженное руководство процессом подготовки к войне. Даладье и Гамелена объединяла убежденность в том, что Франция должна иметь боеспособные современные вооруженные силы, которые смогут защитить ее. Но этим их единомыслие исчерпывалось. Общего видения того, как именно следует обеспечивать национальную безопасность страны, у них не было. Итогом стало фактическое раздробление французской стратегии. Внешняя политика стараниями Бонне, возглавившего МИД в 1938 г., следовала курсом на «умиротворение» Германии. Экономика под руководством Рейно функционировала в режиме *business as usual*, и тема ее перевода на военные рельсы, как таковая, не обсуждалась.

Даладье, полностью погружившийся в проблемы военного строительства, мало занимался этими вопросами. Тесно сотрудничавший с ним Гамелен продолжал следовать курсом на невмешательство армии в политические вопросы. В результате, в ходе ключевых международных кризисов, приближавших мировую войну, когда взаимодействие военных и гражданских властей оказывалось критически важным, командование вооруженных сил фактически самоустранялось от принятия решений и отдавало инициативу в руки правительства. Рейнский кризис 1936 г., аншлюс Австрии и Мюнхенский сговор 1938 г. — всегда Генеральный штаб предпочитал оставаться на вторых ролях и ограничиваться выполнением данных сверху приказов. Проблема заключалась в том, что французские политики, не имея единого видения стратегии обеспечения национальной безопасности, предпочитали также уходить от ответственности.

Русский и советский военный мыслитель А. А. Свечин считал, что обязательным условием успешного ведения современной войны является наличие во главе государства «интегрального полководца», объединяющего «руководство на фронтах политической, экономической и вооруженной борьбы». «Такая задача, — утверждал Свечин, — по плечу лишь руководящей головке господствующего класса, олицетворяющей в себе наивысшую в государстве политическую компетенцию, осуществляющую верховную власть и привлекающую к своей работе облеченного наибольшим техническим и политическим доверием стратега»⁹³. В годы Второй мировой войны тип «интегрального

⁹⁰ Цифры, приведенные Даладье в 1947 г., совпадают с данными историков. См.: Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, t. 1, p. 21.

⁹¹ Doughty R. A. The Seeds of Disaster..., p. 170–173.

⁹² Alexander M. S. The Republic in Danger..., p. 164.

⁹³ Свечин А. А. Стратегия. М., 1927, с. 45.

полководца» воплотится в таких личностях, как У. Черчилль или И. В. Сталин. Близок к нему был и А. Гитлер.

В предвоенные годы французские элиты не только не смогли выдвинуть равно-великую им фигуру, но и не справились с задачей формирования коллективного органа, который взял бы на себя соответствующие функции. Де Голль, сочетавший качества военного и политика, вероятно, был тогда одним из немногих, осознававших связанные с этим угрозы. Еще в 1932 г. в своей работе «На острие шпаги» он писал: «Предусмотрительное государство должно при помощи совместных исследований постараться подготовить политическую, административную и военную элиту к тому, чтобы в случае необходимости управлять военными усилиями нации... Факт в том, что в этом вопросе, за отсутствием доктрины, установленной согласно духовному и физическому облику Франции, мы слишком часто продолжаем действовать как народ, родившийся только вчера»⁹⁴.

В сентябре 1939 г. Франция действительно была лучше готова к войне, чем годом ранее при подписании Мюнхенских соглашений. Однако борьба на международной арене была фактически проиграна. Действенное сотрудничество с СССР наладить не удалось. В итоге Москва договорилась с Берлином, и значительная часть Восточной Европы стала германской сферой влияния. В этой ситуации англо-французская стратегия сокрушения Германии теряла смысл, что лишний раз подтвердила Польская кампания сентября 1939 г. Эффективного механизма централизации военно-политического руководства не возникло, несмотря на то что после объявления войны Германии во Франции учредили, наконец, министерство вооружений. Даладье приходилось постоянно расширять сферу собственной ответственности, окончательно переходя в режим ручного управления страной. После начала войны к постам председателя правительства и главы военного ведомства он добавил портфель министра иностранных дел.

Однако обеспечить единство правительственного курса ему все равно не удавалось. Даладье лишь метался между различными ведомственными интересами, общественным мнением и необходимостью вести общую коалиционную политику с Великобританией. Его все плотнее окружали многочисленные советники из различных министерств. Сотрудничество премьер-министра с Гамеленом сошло на нет. Военные и политические руководители Франции снова придерживались своих взглядов. Весь период «Странной войны» французская стратегия топталась на месте, а инициатива на Западном фронте оказалась в руках Германии, чем она и воспользовалась в мае 1940 г.

Очевидно, Гамелен осознавал всю тяжесть положения, в котором к концу 1930-х годов оказалась Франция. Как видно, в целом он часто понимал, в каком направлении следует двигаться. Но мог ли генерал что-то предпринять в этой ситуации? При любом варианте развития событий взять на себя инициативу означало бы для него согласиться с политизацией армии, и в частности высшего офицерства. По такому пути пытался пойти Вейган в начале 1930-х годов, что привело его к отставке. Гамелен не хотел окончить свою карьеру так же. Но его позиция основывалась и на историческом опыте. После дела Дрейфуса республика сломала политическую волю армии, сделав недееспособной ту силу, которая, вероятно, лучше всего понимала, как следовало реагировать на стратегические вызовы межвоенного периода. Армия должна была брать на себя инициативу в выводе страны из тупика, но всячески избегала этого. В результате она стала заложницей недееспособных элит Третьей республики. Имя Гамелена же на долгие десятилетия превратилось в один из символов морального банкротства военно-политического руководства Франции накануне Второй мировой войны.

⁹⁴ Голль Ш. де. На острие шпаги. М., 2006, с. 211.

Библиография

- Арзаканян М. Ц.* Де Голль. М., 2007.
- Белоусова З. С.* Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964.
- Вершинин А. А.* Дилемма Жореса: социалистический пацифизм во Франции в 1905–1940 годах — Франция и Европа в XX–XXI веках. К юбилею Натальи Николаевны Наумовой. М., 2018, с. 14–53.
- Вершинин А. А.* Эдуард Даладьё и политика «умиротворения агрессора» накануне Второй мировой войны. — Новая и новейшая история, 2018, № 4, с. 42–70.
- Голль Ш. де.* На острие шпаги. М., 2006.
- Магадеев И. Э.* Влияние Рурского кризиса на эволюцию политики Франции в сфере безопасности (1923–1926). — Вестник МГУ, 2011, Серия 8, с. 109–111.
- Магадеев И. Э.* Восприятие французскими политиками угроз безопасности в 1920-е годы. — Новая и новейшая история, 2012, № 4, с. 58–68.
- Малафеев К. А.* Луи Барту — политик и дипломат. М., 1988.
- История Франции.* Отв. ред. А. З. Манфред, т. 3. М., 1973.
- Обичкина Е. О.* Французская дипломатия 1938–1939 гг.: от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий. — Вестник МГИМО — Университета: специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2011, с. 97–114.
- Свечин А. А.* Стратегия. М., 1927.
- Смирнов В. П.* «Странная война» и поражение Франции. М., 1968.
- Adamthwaite A.* France and the Coming of the Second World War. London, 1977.
- Alexander M. S.* In Defense of the Maginot Line. Security Policy, Domestic Politics and the Economic Depression in France. Ed. by R. Boyce. — French Foreign and Defense Policy, 1918–1940. The Decline and Fall of a Great Power. London — New York, 2005, p. 163–193.
- Alexander M. S.* The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1935–1940. Cambridge (Mass.), 1992.
- Bankwitz P. C. F.* Maxime Weygand and Civil–Military Relations in Modern France. Cambridge (Mass.), 1967.
- Bédarida F.* Edouard Daladier, chef du gouvernement. Paris, 1977.
- Bond B., Alexander M.* Liddel Hart and De Gaulle: The Doctrines of Limited Liability and Mobile Defense. — Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age. Ed. by P. Paret. Princeton, 1986, p. 598–623.
- Catros S.* Du Haut Comité Militaire au Comité Permanent de la Défense Nationale: les apories du dialogue politico-militaire en France (1935–1937). — Matériaux pour l'histoire de notre temps, 2013, v. 109–110, № 1, p. 46–49.
- Cointet J.-P.* Pierre Laval. Paris, 1993.
- Crémieux-Brilhac J.-L.* Les Français de l'an 40. T. 2. Ouvriers et soldats. Paris, 1990.
- Doise J., Vaisse M.* Diplomatie et outil militaire, 1871–1991. Paris, 1991.
- Doughty R. A.* French Operational Art: 1888–1940. Ed. by M. D. Krause, R. C. Phillips. — Historical Perspectives of the Operational Art. Washington, 2005, p. 69–110.
- Doughty R.* The Seeds of Disaster: The Development of French Army Doctrine, 1919–1939. Hamden (Conn.), 1985.
- Duroselle J.-B.* La Décadence. Paris, 1979.
- Frank R.* La hantise du déclin. La France 1920–1960: finances, défense et identité nationale. Paris, 1994.
- Frankenstein R.* A propos des aspects financiers du réarmement français (1935–1939). — Revue d'histoire de la Deuxième Guerre Mondiale, 1976, v. 26, № 102, p. 1–20.
- Frankenstein R.* Le prix du réarmement français (1935–1939). Paris, 1982.
- Fridenson P.* Histoire des Usines Renault, t. 1. Paris, 1972.
- Garraud P.* La politique française de réarmement de 1936 à 1940: priorités et contraintes. — Guerres mondiales et conflits contemporains, 2005, № 219, p. 87–102.
- Guelton F.* Les hautes instances de la défense nationale sous la Troisième République. Ed. by O. Forcade, E. Duhamel, P. Vial. — Militaires en république, 1870–1962: les officiers, le pouvoir et la vie politique en France. Paris, 1999, p. 53–64.
- Gunsburg J.* Divided and Conquered: The French High Command and the Defeat of the West, 1940. Westport, 1979.

- Hughes J. M.* To the Maginot Line. The Politics of French Military Preparation in the 1920s. Cambridge (Mass.), 1971.
- Jackson P.* France and the Nazi Menace Intelligence and Policy Making, 1933–1939. New York, 2000.
- Jordan N.* The Popular Front and Central Europe: The Dilemmas of French Impotence, 1918–1940. Cambridge (Mass.), 1992.
- La Gorce P.-M. de.* La République et son armée. Paris, 1963.
- Le Goyet P.* Evolution de la doctrine d'emploi de l'aviation française entre 1919 et 1939 – Revue d'histoire de la Deuxième Guerre Mondiale, 1969, v. 19, № 73.
- Maiolo J.* Cry Havoc: How the Arms Race Drove the World to War, 1931–1941. New York, 2012.
- Minart J.* Le drame du désarmement français. Paris, 1960.
- Narinski M.* Les relations entre l'URSS et la France (1933–1937). Ed. by M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian. – La France et l'URSS dans l'Europe des années 30. Paris, 2005.
- Paoli F.-A.* L'Armée Française de 1919 à 1939, v. 4. Vincennes, 1977.
- Réau E. du.* Édouard Daladier, 1884–1970. Paris, 1993.
- Steiner Z.* The Lights that Failed. European International History, 1919–1933. New York, 2005.
- Tournoux P.-E.* Défense des Frontières. Haut Commandement-Gouvernement, 1919–1939. Paris, 1960.
- Young R.* France and the Origins of the Second World War. London, 1996.
- Young R. J.* In Command of France. French Foreign Policy and Military Planning, 1933–1940. Cambridge (Mass.), 1978.

References

- Adamthwaite A.* France and the Coming of the Second World War. London, 1977.
- Alexander M. S.* In Defense of the Maginot Line. Security Policy, Domestic Politics and the Economic Depression in France. Ed. by R. Boyce. – French Foreign and Defense Policy, 1918–1940. The Decline and Fall of a Great Power. London – New York, 2005, p. 163–193.
- Alexander M. S.* The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1935–1940. Cambridge (Mass.), 1992.
- Arzakanyan M. Ts.* De Gaulle. Moscow, 2007. (In Russ.)
- Bankwitz P. C. F.* Maxime Weygand and Civil–Military Relations in Modern France. Cambridge (Mass.), 1967.
- Bédarida F.* Edouard Daladier, chef du gouvernement. Paris, 1977.
- Belousova Z. S.* French Diplomacy on the Eve of Munich. Moscow, 1964. (In Russ.)
- Bond B., Alexander M.* Liddel Hart and De Gaulle: The Doctrines of Limited Liability and Mobile Defense. Ed. by P. Paret. – Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age. Princeton, 1986, p. 598–623.
- Catros S.* Du Haut Comité Militaire au Comité Permanent de la Défense Nationale: les apories du dialogue politico-militaire en France (1935–1937). – Matériaux pour l'histoire de notre temps, 2013, v. 109–110, № 1, p. 46–49.
- Cointet J.-P.* Pierre Laval. Paris, 1993.
- Crémieux-Brilhac J.-L.* Les Français de l'an 40, t. 2: Ouvriers et soldats. Paris, 1990.
- Doise J., Vaisse M.* Diplomatie et outil militaire, 1871–1991. Paris, 1991.
- Doughty R. A.* French Operational Art: 1888–1940. Ed. by M. D. Krause, R. C. Phillips. – Historical Perspectives of the Operational Art. Washington, 2005, p. 69–110.
- Doughty R.* The Seeds of Disaster: The Development of French Army Doctrine, 1919–1939. Hamden (Conn.), 1985.
- Duroselle J.-B.* La Décadence. Paris, 1979.
- Frank R.* La hantise du déclin. La France 1920–1960: finances, défense et identité nationale. Paris, 1994.
- Frankenstein R.* A propos des aspects financiers du réarmement français (1935–1939) – Revue d'histoire de la Deuxième Guerre Mondiale, 1976, v. 26, № 102, p. 1–20.
- Frankenstein R.* Le prix du réarmement français (1935–1939). Paris, 1982.
- Fridenson P.* Histoire des Usines Renault, t. 1. Paris, 1972.
- Garraud P.* La politique française de réarmement de 1936 à 1940: priorités et contraintes. – Guerres mondiales et conflits contemporains, № 219, p. 87–102.

Gaulle S. de. At the Tip of a Sword. Moscow, 2006. (In Russ.)

Guelton F. Les hautes instances de la défense nationale sous la Troisième République. Ed. by O. Forcade, E. Duhamel, P. Vial. — Militaires en république, 1870–1962: les officiers, le pouvoir et la vie politique en France. Paris, 1999, p. 53–64.

Gunsburg J. Divided and Conquered: The French High Command and the Defeat of the West, 1940. Westport, 1979.

History of France. Repl. ed. A. Z. Manfred, t. 3. Moscow, 1973. (In Russ.)

Hughes J. M. To the Maginot Line. The Politics of French Military Preparation in the 1920s. Cambridge (Mass.), 1971.

Jackson P. France and the Nazi Menace Intelligence and Policy Making, 1933–1939. New York, 2000.

Jordan N. The Popular Front and Central Europe: The Dilemmas of French Impotence, 1918–1940. Cambridge (Mass.), 1992.

La Gorce P.-M. de. La République et son armée. Paris, 1963.

Le Goyet P. Evolution de la doctrine d'emploi de l'aviation française entre 1919 et 1939 — Revue d'histoire de la Deuxième Guerre Mondiale, 1969, v. 19, № 73, p. 3–41.

Magadeev I. E. Influence of the Ruhr Crisis on the Evolution of French Security Policy (1923–1926). — Moscow State University Bulletin 2011, Series 8, p. 109–111. (In Russ.)

Magadeev I. E. Perception by French Politicians of Security Threats in the 1920s. — Modern and Contemporary History, 2012, № 4, p. 58–68. (In Russ.)

Maiolo J. Cry Havoc: How the Arms Race Drove the World to War, 1931–1941. New York, 2012.

Malafeev K. A. Louis Bartoux — politician and diplomat. Moscow, 1988. (In Russ.)

Minart J. Le drame du désarmement français. Paris, 1960.

Narinski M. Les relations entre l'URSS et la France (1933–1937). Ed. by M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian. — La France et l'URSS dans l'Europe des années 30. Paris, 2005, p. 73–83.

Obichkina E. O. 1938–1939: French Diplomacy from “Appeasement” to “Containment”, or a Policy of Guarantees. — Bulletin of MGIMO-University: special issue on the occasion of the 70th anniversary of the outbreak of the Second World War. Moscow, 2011, p. 97–114. (In Russ.)

Paoli F.-A. L'Armée Française de 1919 à 1939, v. 4. Vincennes, 1977.

Réau E. du. Édouard Daladier, 1884–1970. Paris, 1993.

Smirnov V. P. “Strange War” and the Defeat of France. Moscow, 1968. (In Russ.)

Steiner Z. The Lights that Failed. European International History, 1919–1933. New York, 2005.

Svechin A. A. Strategy. Moscow, 1927. (In Russ.)

Tournoux P.-E. Défense des Frontières. Haut Commandement-Gouvernement, 1919–1939. Paris, 1960.

Vershinin A. A. Eduard Daladier and the policy of «appeasing the aggressor» on the eve of World War II. — Modern and Contemporary History, 2018, № 4, p. 42–70. (In Russ.)

Vershinin A. A. Jaurès' dilemma: socialist pacifism in France in 1905–1940. — France and Europe in the XX–XXI centuries. On the anniversary of Natalia Nikolaevna Naumova. Moscow, 2018, p. 14–53. (In Russ.)

Young R. France and the Origins of the Second World War. London, 1996.

Young R. J. In Command of France. French Foreign Policy and Military Planning, 1933–1940. Cambridge (Mass.), 1978.